

ТРОФИМЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РЯБИНИНЪ,

пѣвецъ былинъ.

Лица, интересующіяся остатками древняго русскаго эпоса, которые еще хранятся въ народной памяти въ глуши нашего Сѣвера, съ живымъ сочувствіемъ отнеслись къ мысли отдѣленія этнографіи Русскаго Географическаго Общества—пригласить сюда одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей этого отживающаго міра эпической поэзіи, крестьянина Олонецкой губерніи Рябинина. Давно не видали въ залахъ Географическаго Общества такого многочисленнаго собранія, какъ то, которое посвящено было отдѣленіемъ этнографіи слушанію его былинъ и которое почтилъ своимъ присутствіемъ предсѣдатель Общества, его императорское высочество великій князь Константинъ Николаевичъ. Отдѣленіе присудило Рябинину серебряную медаль,—едва-ли на первую такого рода награду, которую наше Географическое Общество даетъ русскому крестьянину, а августѣйшій предсѣдатель Общества удостоилъ его подарка, какъ нельзя болѣе удачно выбраннаго для рапсода, воспѣвающаго княженецкіе пиры солнышка-Владимира—его высочество пожаловалъ ему серебряную чарку въ древнемъ русскомъ стилѣ.

Желаая сохранить на страницахъ „Русской Старины“ изображеніе чловѣка, которому мы обязаны многими изъ наиболѣе замѣчательныхъ былинъ русскихъ, редація обратилась къ художнику Н. Ф. Доссу съ просьбою снять съ Рябинина фотографическій портретъ, который здѣсь и помѣщается, мастерски воспроизведенный граверомъ его императорскаго величества, академикомъ Л. А. Сѣряковимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, мы просили А. Э. Гильфердинга, познакомившагося съ Рябининимъ на мѣстѣ и пригласившаго его сюда по порученію Географическаго Общества, сообщить біографическія о немъ свѣдѣнія и нѣкоторые неизданные еще варианты былинъ, записанные съ его словъ. Мы получили отъ г. Гильфердинга слѣдующія данныя

о²Рябининъ и три его былины, которыя здѣсь печатаются въ первый разъ *).

Ред.

Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, крестьянинъ дер. Серѣдки Кижской волости, въ заонежской части Петрозаводскаго уѣзда, 78 лѣтъ отъ роду. Родился въ дер. Гѣрницы сосѣднаго съ Кижскимъ Сѣнногубскаго погоста. Его отецъ былъ взятъ въ милицію во время шведской войны (должно быть при Екатеринѣ), когда онъ былъ еще малымъ ребенкомъ. Черезъ годъ послѣ ухода отца на службу мать умерла, отецъ былъ убитъ на войнѣ. Молодого Трофима Григорьева воспиталъ „православный мѣръ“. Когда подростокъ, онъ, чтобы не просить милостыни и не быть въ тягость чужимъ людямъ, сталъ ходить по окрестнымъ деревнямъ чинить сѣтки, ловушки и другія рыболовныя снасти. При этомъ ему случалось работать подолгу вмѣстѣ съ Ильєю Елустафьевымъ, бѣднымъ старикомъ съ Волкострова, дер. Шляминской, который, „откачнувшись“ отъ своего сына, ходилъ тоже по волостямъ и пропитывался тѣмъ, что „ладилъ“ (т.-е. мастерилъ) и чинилъ всякаго рода сѣти для рыбной ловли. Этотъ Илья Елустафьевъ (умершій тому назадъ лѣтъ 40, девяноста лѣтъ отъ роду) зналъ очень много былинь и пѣвалъ ихъ за работой, и Рябининъ многое отъ него „понялъ“. Между прочимъ, отъ него онъ научился двумъ печатаемымъ здѣсь былинамъ про Илью и Калина царя и Молодца и худую жену. Въ 1812 году онъ поступилъ въ работники въ домъ своего дяди Игнатія Иванова Андреевыхъ (въ дер. Гарницы), который, по словамъ его, былъ самымъ лучшимъ пѣвцомъ былинь во всемъ ихъ краѣ и превосходилъ даже Елустафьева. Тутъ же жилъ и зять Игнатія Иванова, Василій Сафроновъ Сарафановъ, тоже мастеръ пѣть былины (то былъ отецъ нынѣшняго сказителя Сарафанова, со словъ котораго записано нѣсколько былинь г. Рыбниковымъ). Отъ Игнатія Иванова Рябининъ „понялъ“ наибольшую часть своихъ былинь, именно про Вольгу, Илью и Соловья-разбойника, Илью, узнающаго свою дочь,

*) См. также въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г. т. IV, стр. 451 статью г. Гильфердинга: «Пѣвецъ былинь въ Петербургской губерніи», тамъ помѣщены четыре былины (стр. 451—459). Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы сообщить извѣстіе объ обширномъ сборникѣ былинь лично собранныхъ на дальнемъ Сѣверѣ Россіи и тамъ же съ голоса пѣвцовъ записанныхъ—г. Гильфердингомъ, председателемъ Этнографическаго отдѣленія Русскаго Географическаго Общества: сборникъ этотъ нынѣ печатается издѣніемъ его собирателя, въ 6. 8-ю долю, въ два столбца и составитъ до тысячи страницъ мелкой, четкой и убористой печати. Мы имѣли случай познакомиться съ этимъ трудомъ и положительно убѣждены, что онъ составитъ весьма капитальное приобретение въ нашей литературѣ памятниковъ народнаго творчества. Ред.

Дуная, Пѣтыка, Королевичей изъ Крякова и Скопина. Былины про Добрыню въ борьбѣ со змѣемъ и про Добрыню въ отъѣздѣ съ Василіемъ Казиміровымъ онъ узналъ еще ранѣе того, отъ крестьянина Ивана Агапитова Завьялова въ Гарницахъ, котораго слышалъ въ дѣтствѣ (Завьяловъ, по словамъ Рябинина, умеръ почти 70 лѣтъ тому назадъ); про Дюка онъ научился отъ старика Ивана Коккойкина, жившаго до 100 годовъ; про Ивана Годиновича отъ крестьянина Федора Трепалина изъ дер. Мигуровъ: у обоихъ послѣднихъ (Коккойкина и Трепалина) ему случалось по временамъ бывать въ работникахъ. 24-хъ лѣтъ отъ роду Рябининъ женился и перешелъ въ домъ тестя въ дер. Серѣдка, гдѣ съ тѣхъ поръ живетъ на крестьянствѣ. Но кромѣ хлѣбопашества, главное его занятіе составляла рыбная ловля. Не ограничиваясь промысломъ около дома, онъ разъ 40 на своемъ вѣку ходилъ съ другими крестьянами изъ Заонежья на ловлю въ Ладожское озеро; бывалъ раза два въ Петербургъ, но на самое короткое время, только для сбыта рыбы. Онъ считается весьма исправнымъ домохозяйномъ, хотя не изъ самыхъ зажиточныхъ. Изъ четырехъ его сыновей, двое были взяты въ солдаты и умерли на службѣ; двое живутъ при отцѣ и отчасти переняли отъ него умѣнье пѣть былины. Рябининъ извѣстенъ былъ г. Рыбникову, который записалъ съ его словъ 23 былины (считая въ томъ числѣ отрывки). Въ настоящее время онъ всѣхъ не могъ уже вспомнить. Всѣ здѣсь помѣщаемыя былины записаны у него „съ голоса“, т.-е. въ томъ видѣ, какъ онѣ передаются при напѣвѣ, а не при пересказѣ словами. Пребываніе Рябинина въ Петербургѣ дало случай вновь повѣрить прежнюю запись.

А. О. Гильфердингъ.

I.

Илья Муромецъ и Калинъ-царь.

Какъ Владиміръ князь да стольнѣ-Кіевской
 Порознѣвался на стараго казѣка Илью Муромца,
 Засадилъ его во погребъ во глубокіи,
 Во глубокой погребъ во холодни,
 Да на три-то году поры времени.
 А у славнаго у князя у Владиміра
 Была дочь да одинакая,
 Она видитъ: это дѣло есть немалое,
 А что посадилъ Владиміръ князь да стольнѣ-Кіевской
 Стараго казѣка Илью Муромца
 Въ тотъ во погребъ во холодни.
 А онъ могъ бы постоять одинъ за вѣру за отечество,
 Могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
 Могъ бы постоять одинъ за церкви за соборныи,

Могъ бы поберечь онъ князя да Владиміра,
 Могъ бы поберечь Опраксу королевичну.
 Приказала сдѣлать да ключи поддѣльные,
 Положила-то людей да нотаенныхъ,
 Приказала-то на погребъ на холодный
 Да снести перины да подушечки пуховыи,
 Одѣяла приказала снѣсти теплыи,
 Ена ѣствушку поставить да хорошую
 И одежду смѣнять съ нова-на-ново
 Тому старому казаку Ильѣ Муромцу;
 А Владиміръ князь про то не вѣдаеть.
 И воспыгаль-то тутъ собака Калинъ-царь на Кіевъ градъ
 И хотіть ѣнъ рѣзорить да стольній Кіевъ градъ,
 Чернедъ-мужичковъ онъ всѣхъ повырубить,
 Божьи церкви всѣ на дымъ спустить,
 Князю-то Владиміру да голова срубить
 Да со той Опраксою королевичной.
 Посылаеть-то собака Калинъ-царь посланника,
 А посланника во стольній Кіевъ градъ
 И даеть ему ѣнъ грамоту посыльную
 И посланнику-то онъ наказываеть:
 «Какъ поѣдешь ты во стольній Кіевъ градъ,
 «Будешь ты посланникъ въ стольнеймъ во Кіевѣ,
 «Да у славнаго у князя у Владиміра,
 «Будешь на него на широкомъ дворѣ,
 «И сойдешь какъ тутъ ты со добра коня,
 «Да ѣ спушай коня ты на посыльной дворѣ,
 «Самъ поди-ткѣ во полату бѣлокаменну,
 «Да пройдеши полатой бѣлокаменной,
 «Да ѣ войдешь въ его столовую во горенку,
 «На пятú ты дверь да поразмахивай,
 «Не снимай-ко кивера съ головушки,
 «Подходи-ко ты ко столу къ дубовому,
 «Становись-ко супротивъ князя Владиміра,
 «Полагай-ко грамоту на збѣотъ стѣгъ,
 «Говори-тѣо князю ты Владиміру:
 ««Ты Владиміръ князь да стольне-Кіевской,
 ««Ты бери-тѣо грамоту посыльную
 ««Да смотри, что въ грамотѣ написано,
 ««Да гляди, что въ грамотѣ да напечатано:
 ««Очищай-ко ты всѣ улички стрѣлецкіи,
 ««Всѣ великіе дворы да княженецкіи
 ««По всему-то городу по Кіеву,
 ««А по всѣмъ по улицамъ широкимъ
 ««Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкіимъ
 ««Наставъ сладкихъ хмѣльныхъ напитокъ,
 ««Чтобъ стояли бочка о бочку близко-пб-близку,
 ««Чтобы было ў чего стоять собацѣ царю-Калину
 ««Со своими-то войсками со великими
 ««Во твоємъ во городѣ во Кіевѣ»».

То Владиміръ князь да стольне-Кіевской
 Бралъ-то книгу онъ посильную
 Да и грамоту ту распечатывалъ
 И смотрѣлъ, что въ грамотѣ написано,
 И смотрѣлъ, что въ грамотѣ да напечатано:
 А что велѣно очистить улицы стрѣлецкіи
 И большіе двѣры княженецкіи,
 Да наставитъ сладкіихъ хмѣльныхъ напиткичъ
 А по всѣмъ по улицамъ широкимъ,
 Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкіимъ.
 Тутъ Владиміръ князь да стольне-Кіевской
 Видитъ: есть это дѣло немалое,
 А немало дѣло-то, великое,
 А сядилса-то Владиміръ князь да на черленый стулъ,
 Да писалъ-то вѣдь онъ грамоту повинную:
 — Ай же ты собака да и Калинъ-царь,
 — Дай-жо мнѣ ты поры времечки на три году,
 — На три году дай и на три мѣсяца,
 — На три мѣсяца, да еще на три дня,
 — Мнѣ очистить улицы стрѣлецкіи,
 — Всѣ великіе двѣры да княженецкіи,
 — Накурить мнѣ сладкіихъ хмѣльныхъ напиткичъ
 — Да ѿ наставитъ по всему-то городу по Кіеву,
 — Да ѿ по всѣмъ по улицамъ широкимъ,
 — По всимъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ.
 Отсылаеть эту грамоту повинную,
 Отсылаеть ко собацѣ царю-Калину.
 А ѿ собака тотъ да Калинъ-царь
 Далъ ему онъ поры времечки на три году,
 На три году далъ и на три мѣсяца,
 На три мѣсяца, да еще на три дня.
 Еще день за день вѣдь какъ и дождь дождитъ,
 А недѣля за недѣлей какъ рѣка сбѣжитъ;
 Прѣшло поры времечки да три году,
 А три году да три мѣсяца,
 А три мѣсяца и еще три-то дня,—
 Тутъ подѣхалъ вѣдь собака Калинъ-царь;
 Онъ подѣхалъ вѣдь подъ Кіевъ градъ
 Со своими со войсками со великими.
 Тутъ Владиміръ князь да стольне-Кіевской
 Онъ по горенки да сталъ похаживать,
 Съ ясныхъ очушокъ онъ ронитъ слезы вѣдь горючіи,
 Шелковымъ платвомъ князь утирается,
 Говоритъ Владиміръ князь да тавомы слова:
 «Нѣтъ жива-то стараго казана Ильи Муромца,
 «Некому стоять теперь за вѣру за отечество,
 «Некому стоять за церкви вѣдь за Божіи,
 «Некому стоять-то вѣдь за Кіевъ градъ,
 «Да вѣдь некому оберечь князя Владиміра

«Да и той Опраксы королевичной!»
 Говорить ему любима дочь да таковы слова:
 — Ай ты батюшко, Владиміръ князь нашъ стольнѣ-Кіевской!
 — Вѣдь есть живѣ-то старья казакъ да Илья Муромецъ,
 — Вѣдь онъ живѣ на погребѣ холодномъ.
 Тутъ Владиміръ князь-отъ стольнѣ-Кіевской
 Онъ скорешенько беретъ да золоты ключи
 Да идетъ на погребъ на холодныи,
 Отмыкаетъ онъ скоренько погребъ да холодныи,
 Да подходитъ ко рѣшоткамъ ко желѣзнымъ,
 Ростворилъ-то онъ рѣшотки да желѣзныи.
 Да тамъ старья казакъ да Илья Муромецъ
 Онъ во погребѣ сидитъ-то, самъ не старится,
 Тамъ перинушка, подушечки пуховыи,
 Одѣяла свѣсены тамъ теплыи,
 Ъствушка поставлена хорошая,
 А одежица на немъ да живеть смѣнная.
 Ёнъ беретъ его за ручушки за бѣлыи,
 За его за перстни за злаченныи,
 Выводилъ его со погреба холоднаго,
 Приводилъ его въ полату бѣлокаменну,
 Становилъ-то онъ Илью да супротивъ себя,
 Цѣловалъ въ уста его сахарныи,
 Заводилъ его за столики дубовыи,
 Да садилъ Илью-то ёнъ подлѣ себя
 И кормилъ его да ѡствушкой сахарнею
 Да поилъ-то пѣтыцемъ медвянымъ,
 И говорилъ-то онъ Ильѣ да таковы слова:
 «Ай же старья казакъ да Илья Муромецъ!
 «Нашъ-то Кіевъ градъ нынѣ въ полонѣ стоятъ,
 «Обошолъ собака Калинъ-царь нашъ Кіевъ градъ
 «Со своимъ со войскамъ со великимъ.
 «А постой-ко ты за вѣру за отечество,
 «И постой-ко ты за славный Кіевъ градъ,
 «Да постой за матушки Божьѣ церкви,
 «Да постой-ко ты за князя за Владиміра,
 «Да постой-ко за Опраксу королевичну!»
 Такъ тутъ старья казакъ да Илья Муромецъ
 Выходилъ онъ со полаты бѣлокаменной,
 Шолъ по городу онъ да по Кіеву,
 Заходилъ въ свою полату бѣлокаменну,
 Да спросилъ-то какъ онъ пѣробка любимаго,
 Шолъ со пѣробкомъ да со любимымъ
 А на свой на славный на широкій дворъ,
 Заходилъ онъ во конюшенку въ стоялую,
 Посмотрѣлъ добра коня онъ богатырскаго,
 Говорилъ Илья да таковы слова:
 — Ай же ты мой пѣробокъ любимый,
 — Вѣрный ты слуга мой безымянный,

— Хорошо держалъ моего коня ты богатырскаго!—
 Цѣловалъ его онъ во уста сахарнии,
 Выводилъ добра коня съ конюшенки стоялии
 А ѿ на тотъ на славный на широкій дворъ;
 А ѿ тутъ старша казакъ да Илья Муромецъ
 Стагъ добра коня тутъ онъ засѣдывать,
 На коня накладываетъ потничекъ,
 А на потничекъ накладываетъ войлочекъ,
 Потничекъ онъ клалъ да вѣдь шелковенькой,
 А на потничекъ подкладываетъ подпотничекъ,
 На подпотничекъ сѣделко клалъ черкасское,
 А черкасское сѣдлышко недержано,
 И подтягивалъ двѣнадцать подпруговъ шелковныхъ
 И шпилѣчии онъ втягивалъ булатнии,
 А стремяночки покладываетъ булатнии,
 Пряжечки покладываетъ онъ красна золота,
 Да не для красы угожества,
 Ради крѣпости все богатырской:
 Еще подпруги шелковы тянутся, да оны нѣ рвутся
 Да булавъ желѣзо гнется, не ломается,
 Пряжечки-ты красна золота
 Онѣ мокнуть, да не ржавѣють.
 И садился тутъ Илья да на добра коня,
 Бралъ съ собой доспѣхи крѣпки богатырскии,
 Во-первыхъ бралъ палицу булатною,
 Во-вторыхъ бралъ копье боржамецкое,
 А еще бралъ свою саблю вострую,
 А ѿще бралъ шалыгу подорожную,
 И поѣхалъ онъ изъ города изъ Кіева.
 Выѣхалъ Илья да во чисто поле
 И подѣхалъ онъ ко войскамъ ко татарскимъ
 Посмотрѣтъ на войска на татарскии:
 Нагнанѣ-то силы много множество,
 Какъ отъ покрыку отъ человѣчьяго,
 Какъ отъ ржанья лошадинаго
 Унываетъ сердце человѣческо.
 Тутъ старша казакъ да Илья Муромецъ
 Онъ поѣхалъ по роздольцу чисту полю,
 Нѣ могъ кѣнца краю силушкѣ наѣхати.
 Онъ повыскачилъ на гору на высокую,
 Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
 Посмотрѣлъ на силушку татарскую,
 Кѣнца краю силы насмотрѣтъ не могъ.
 И повыскачилъ онъ на гору на другую,
 Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
 Кѣнца краю силы насмотрѣтъ не могъ.
 Онъ спустился съ той со горы со высокии,
 Да онъ ѣхалъ по роздольцу чисту полю
 И повыскачилъ на третью гору на высокую,

Посмотрѣлъ-то подѣ восточную вѣдъ сторону,
 Насмотрѣлъ онѣ подѣ восточной стѣроной,
 Насмотрѣлъ онѣ тамѣ шатрѣ бѣлы
 И у бѣлыхъ шатровѣ-то кони богатырскіи.
 Онѣ спустился съ той съ горы высокіи
 И поѣхалѣ по роздольницѣ чистѣ полю,
 Пріѣзжалѣ Илья къ шатрамѣ ко бѣлымѣ,
 Какѣ сходилѣ Илья да со добра коня
 Да у тыхъ шатровѣ у бѣлыхъ,
 А тамѣ стѣять кони богатырскіи,
 У того ли полотна стѣять у бѣлаго,
 Они зоблютъ-то шпену да бѣлоярову.
 Говоритѣ Илья да таковы слова:
 «Поотвѣдать мнѣ-ка счастья великаго».
 Онѣ накиннулѣ поводы шелѣбныи
 На добра коня да ѣ богатырскаго
 Да спустилъ коня ко полотну ко бѣлому:
 «А ѣ допустятѣ ли то кони богатырскіи
 «Моего коня да богатырскаго
 «Ко тому ли полотну ко бѣлому
 «Позобать шпену да бѣлоярову?»
 Его добрый конѣ идетѣ-то грудѣю къ полотну.
 А идетѣ зобать шпену да бѣлоярову;
 Старья казакѣ да Илья Муромецѣ
 А идетѣ ѣнѣ да во бѣлѣ шатѣрѣ,
 Приходитѣ Илья Муромецѣ во бѣлѣ шатѣрѣ,
 Въ томѣ бѣломѣ шатрѣ двѣнадцать-то богатырей,
 И богатыри всѣ святорусскіи.
 Они сѣли хлѣба соли кушати
 А и сѣли-то они да пообѣдати.
 Говоритѣ Илья да таковы слова:
 «Хлѣбѣ да соль, богатыри да святорусскіи
 «А и крестный ты мой батюшка,
 «А ѣ Самсонѣ да ты Самойловичѣ!»
 Говоритѣ ему да крестный батюшка:
 — А ѣ поди ты крестничекѣ любимыи,
 — Старья казакѣ да Илья Муромецѣ,
 — А садись-ко съ нами пообѣдати.—
 И онѣ высталѣ ли да на рѣзвѣ ноги,
 Съ Ильей Муромцемѣ да поздоровкались,
 Поздоровкались они да цѣловались,
 Посадили Илью Муромца да за единый столѣ
 Хлѣба соли да покушати:
 Ихѣ двѣнадцать-то богатырей,
 Илья Муромецѣ да онѣ тринадцатый.
 Они пѣли, попѣли, пообѣдали,
 Выходили зѣ-за стола изѣ-за дубоваго,
 Они Господу Богу помолились;
 Говорилѣ имѣ старья казакѣ да Илья Муромецѣ:

«Крестный ты мой батюшка, Самсонъ Самойловичъ,
 «И вы русскіи могути богатыри!
 «Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней
 «А ѣ садитесь вы да на добрыхъ коней,
 «Поѣзжайте-тко да во роздольцо чисто поле,
 «А ѣ подь тотъ подь славный стольній Кіевъ градъ.
 «Какъ подь нашимъ-то подь городомъ подь Кіевомъ
 «А стоитъ собака Калинь-царь
 «А стоитъ со войсками великими.

«Розорить хотить ѣнъ стольній Кіевъ градъ,
 «Чернедь-мужиковъ онъ всѣхъ повьрубить,
 «Божьи церкви всѣ на дымъ спустить,
 «Князю-то Владимиру да со Опраксою королевичной
 «Онъ срубить-то хочеть буйны головы.
 «Вы постоите-тко за вѣру за отечество,
 «Вы постоите-тко за славный стольній Кіевъ градъ,
 «Вы постоите-тко за церкви-ты за Божіи,
 «Вы поберегите-тко князя Владимира
 «И со той Опраксою королевичной!»

Говорить ему Самсонъ Самойловичъ:

— Ай же крестничекъ ты мой любимый,
 — Старья казакъ да Илья Муромецъ!
 — А ѣ не будемъ мы да и коней сѣдлатъ,
 — И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
 — Не поѣдемъ мы во славно во чисто поле,
 — Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
 — Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
 — Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи церкви,
 — Да не будемъ мы беречь князя Владимира
 — Да еще съ Опраксою королевичной:
 — У него вѣдь есте много да князей-бояръ,
 — Кормить ихъ и побить да и жалуетъ,
 — Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира.—

Говорить-то старья казакъ да Илья Муромецъ:

«Ай же ты мой крестный батюшка,
 «Ай Самсонъ да ты Самойловичъ!
 «Это дѣло у насъ будетъ нехорошее,
 «Какъ собака Калинь царь онъ розорить да Кіевъ градъ,
 «Да онъ чернедь-мужиковъ-то всѣхъ повьрубить,
 «Да онъ Божьи церкви всѣ на дымъ спуститъ,
 «Да князю Владимиру съ Опраксою королевичной
 «А онъ срубить имъ да буйны головушки.
 «Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней
 «И садитесь-ко вы на добрыхъ коней,
 «Поѣзжайте-тко въ чисто поле подь Кіевъ градъ,
 «И постоите вы за вѣру за отечество,
 «И постоите вы за славный стольній Кіевъ градъ,
 «И постоите вы за церкви-ты за Божіи,
 «Вы поберегите-тко князя Владимира

«И со той съ Опраксою королевичной!»
 Говорить Самсонъ Самойловичъ да таковы слова:
 — Ай же крестничекъ ты мой любимый,
 — Старья казакъ да Илья Муромецъ!
 — А й не будемъ мы да и коней сѣдлатъ,
 — И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
 — Не поѣдемъ мы во славно во чисто поле,
 — Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
 — Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
 — Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи церкви,
 — Да не будемъ мы беречь князя Владимира
 — Да еще съ Опраксою королевичной:
 — У него вѣдь есте много да князей-бояръ,
 — Кормить ихъ и поить да и жалуетъ,
 — Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира.—
 Говорить-то старья казакъ да Илья Муромецъ:
 «Ай же ты мой крестный батюшка,
 «Ай Самсонъ да ты Самойловичъ,
 «Это дѣло у насъ будетъ нехорошее!
 «Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней
 «И садитесь-ко вы на добрыхъ коней,
 «Поѣзжайте-тко въ чисто поле подъ Кіевъ градъ,
 «И постоитъ вы за вѣру за отечество,
 «И постоитъ вы за славный стольній Кіевъ градъ,
 «И постоитъ вы за церкви-ты за Божьи,
 «Вы поберегите-тко князя Владимира
 «И со той съ Опраксою королевичной!»
 Говорить ему Самсонъ Самойловичъ:
 — Ай же крестничекъ ты мой любимый,
 — Старья казакъ да Илья Муромецъ!
 — А й не будемъ мы да и коней сѣдлатъ,
 — И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
 — Не поѣдемъ мы во славно во чисто поле,
 — Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
 — Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
 — Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи церкви,
 — Да не будемъ мы беречь князя Владимира
 — Да еще съ Опраксою королевичной:
 — У него вѣдь есте много да князей-бояръ,
 — Кормить ихъ и поить да и жалуетъ,
 — Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира.—
 А й тутъ старья казакъ да Илья Муромецъ
 Онъ какъ видитъ, что дѣло ему не по любви,
 А й выходитъ-то Илья да со бѣлѣ шатра,
 Приходилъ къ добру коню да богатырскому,
 Вралъ его за поводы шелковыи,
 Отводилъ отъ полотна отъ бѣлаго,
 А отъ той пшени отъ бѣлояровой,
 Да садился Илья на добра коня.

То онъ ѣхалъ по роздольцу чисту полю
 И подѣхалъ онъ ко войскамъ ко татарскимъ.
 Не ясень соволъ да налушаетъ на гусей на лебедей
 Да на малыхъ передѣтныхъ на сѣрыхъ утешкѣ,
 Налушаетъ-то богатырь святорусскія
 А на тую ли на силу на татарскую.
 Онъ спустилъ коня да богатырскаго
 Да поѣхалъ ли по той по силушкѣ татарской,
 Сталъ онъ силушку конемъ топтать
 Сталъ конемъ топтать, копьемъ колоть,
 Сталъ онъ бить ту силушку великую,
 А онъ силу бьетъ будтò траву косить.
 Его добрый конь да богатырскій
 Испровѣщилъ языкомъ человѣческимъ:
 — Ай же славны богатырь святорусскіи!
 — Хоть ты наступилъ на силу на великую,
 — Не побить тобі той силушки великіи:
 — Нагнанъ у собаки царя-Калина,
 — Нагнанъ той силм много множество,
 — И у него есте сильныи богатыри,
 — Поляницы есте да удальи;
 — У него собаки царя Калина
 — Сдѣланы-то трои вѣдь подкопы да глубокіи
 — Да во славномъ роздольцѣ чистомъ поли.
 — Когда будешь ѣздить по тому роздольцу чисту полю,
 — Будешь бить-то силу ту великую,
 — Какъ просядемъ мы въ подкопы во глубокіи,
 — Такъ изъ первыихъ подкоповъ я повыскочу
 — Да тобѣ оттуль-то я повыздну;
 — Какъ просядемъ мы въ подкопы-то во другіи,
 — И оттуль-то я повыскочу
 — И тобѣ оттуль-то я повыздну.
 Еще въ третій подкопы во глубокіи,
 А вѣдь тутъ-то я повыскочу,
 Да оттуль тебя-то не повыздну,
 Ты останешься въ подкопахъ во глубокіихъ.
 А йще старья казакъ да Илья Муромецъ—
 Ему дѣло-то вѣдь не слюбилоси,
 И беретъ онъ плѣту шелкову въ бѣлыи руки,
 А онъ бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
 Говорилъ ѣнъ кобню таковы слова:
 «Ай же ты собачище измѣнное,
 «Я тебя кормлю, пою да и улаживаю,
 «А ты хочешь меня оставить во чистомъ поли,
 «Да во тыхъ подкопахъ во глубокіихъ!»
 И поѣхалъ Илья по роздольцу чисту полю
 Во тую во силушку великую,
 Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть,
 И онъ бьетъ-то силу, какъ траву косить;

У Ильи-то сила не умѣньшится.
 И онъ просѣлъ въ подкопы во глубокѣи,
 Ёго добрый конь оттуль повискочилъ,
 Онъ повискочилъ, Илью оттуль повызднулъ.
 И онъ спустилъ коня да богатырскаго
 По тому роздольцу чисту полю
 Во тую во силушку великую,
 Сталъ конемъ топтать да и коньемъ колоть,
 И онъ бьетъ-то силу какъ траву косить;
 У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
 На добромъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
 Й онъ просѣлъ съ конемъ да богатырскимъ
 Й онъ полагъ въ подкопы-ты во другѣи,
 Его добрый конь оттуль повискочилъ
 Да Илью оттуль повызднулъ.
 Й онъ спустилъ коня да богатырскаго
 По тому роздольцу чисту полю
 Во тую во силушку великую,
 Сталъ конемъ топтать да и коньемъ колоть,
 И онъ бьетъ-то силу, какъ траву косить;
 У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
 На добромъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
 И онъ полагъ въ подкопы-ты во третѣи,
 Онъ просѣлъ съ конемъ въ подкопы-ты глубокѣи.
 Его добрый конь да богатырскѣи
 Еще съ третѣихъ подкоповъ онъ повискочилъ,
 Да оттуль Ильи онъ не повызднулъ,
 Сголанулъ *) Илья да со добра коня
 И остался онъ въ подкопѣ во глубокоемъ.
 Да пришли татара-то поганѣи
 Да хотѣли захватить они добра коня;
 Его конь-то богатырскѣи
 Не сдакъ имъ во бѣлы руки,
 Убѣжалъ-то добрый конь да во чисто поле.
 Тутъ пришли татара-ты поганѣи,
 А напáдали на стараго казана Илью Муромца,
 А й сковали ему вожжи рѣзвыи
 И связали ему ручки бѣыми.
 Говорили-то татара таковы слова:
 «Отрубить ему да буйную головушку».
 Говорятъ ны татара таковы слова:
 «А не надо рубить ему буйной головы,
 «Мы сведёмъ Илью къ собакамъ царю-Калину,
 «Что онъ хочеть, то надъ нимъ да сдѣлаеть».
 Повели Илью да во чисту полю
 А во тымъ податкамъ полотнянымъ,
 Приводили ко податкѣ полотняной,
 Привели его къ собакамъ царю-Калину.

*) Соскользнулъ.

Становили супротѣвъ собака царя-Калина,
Говорили татару таковы слова:

«Ай же ты собака да нашъ Калинъ царь!
«Захватили мы да стараго казака Илью Муромца,
«Да во тыхъ-то во подкопахъ во глубокѣхъ,
«И привели къ тебѣ въ собакѣ царю Калину;
«Что ты знаешь, то надъ нимъ и дѣлаешь».

Тутъ собака Калинъ-царь говоритъ Ильѣ да таковы слова:

— Ай ты старья казакъ да Илья Муромецъ!
— Молодой щенокъ да напустилъ на силу на великую,
— Тебѣ гдѣ-то одному побить моя сила велика!
— Вы роскуйте-тко Ильѣ да ножки рѣзвыи,
— Розвѣжите-тко Ильѣ да ручки бѣлыи.—

И росковали ему ножки рѣзвыи,

Розвѣзали ему ручки бѣлыи.

Говорилъ собака Калинъ-царь да таковы слова:

— Ай же старья казакъ да Илья Муромецъ!
— Да садись-ко ты со мной а за единой столъ,
— Ъшь-ко ѣствушку мою сахарную,
— Да и пей-ко мои питьеца медвянныи,
— И одежь-ко ты мою одежу драгоцѣнную,
— И держи-тко *) мою золоту казну,
— Золоту казну держи по надобью,
— Не служи-тко ты князю Владимиру,
— Да служи-тко ты собакѣ-царю Калину.

Говорилъ Илья да таковы слова:

«А ѣ не сяду я съ тобой да за единой столъ,
«Не буду ѣсть твоихъ ѣствушекъ сахарныхъ,
«Не буду пить твоихъ питьецевъ медвяныхъ,
«Не буду носить твоей одежи драгоцѣнныи,
«Не буду держать твоей бесцѣтной золотой казны,
«Не буду служить тебѣ собакѣ царю-Калину,
«Еще буду служить я за вѣру за отечество,
«А ѣ буду стоять за стольній Кіевъ градъ,
«А буду стоять за церкви за Господніи,
«А буду стоять за князя за Владимира
«И со той Оправсой королевичной».

Тутъ старой казакъ да Илья Муромецъ

Онъ выходитъ со полатки полотняной

Да ушолъ въ роздольцо въ чисто поле.

Да гѣснить стали его татары-ты поганни.

Хотѣтъ обневолить они стараго казака Илью Муромца,

А у стараго казака Ильи Муромца

При соби да не случилось-то доспѣховъ крѣпкихъ,

Нечѣмъ-то ему съ татарами да попротивиться.

Старья казакъ да Илья Муромецъ

Видитъ ѣнъ дѣло не малое,

Да схватилъ татарина ѣнъ за ноги,

*) Т.-е. удерживай.

Тако сталъ татаринѡмъ помахивать,
 Сталъ ѣнъ битъ татаръ татаринѡмъ,
 И отъ негѡ татарѡ стали бѣгати,
 И прошолъ ѣнъ скрозъ всю слѡушку татарскую,
 Вышелъ онъ въ роздольцо чистѡ поле,
 Да онъ бросилъ-то татарина да въ сторону,
 То идетъ онъ по роздольцу чисту полю.
 При соби-то нѣтъ коня да богатырскаго,
 При соби-то нѣтъ доспѣховъ крѣпкихъ.
 Засвисталъ въ свистокъ Илья онъ богатырскіи,
 Услыхалъ его добрый конь да во чистѡмъ полѣ,
 Прибѣжалъ онъ къ старѡму казаку Ильѣ Мурѡмцу.
 Еще старья казакъ да Илья Мурѡмецъ
 Какъ садился онъ да на добра коня
 И поѣхалъ по роздольцу чисту полю,
 Выскочилъ онъ да на гѡру на высокую,
 Посмотрѣлъ-то подъ восточную онъ сторону,
 А ѣ подъ той ли подъ восточной подъ сторонушкой
 А ѣ у тыхъ ли у шатровъ у бѣлыхъ
 Стоять добры кони богатырскіи.
 А тутъ старый-отъ казакъ да Илья Мурѡмецъ
 Опустился ѣнъ да со добра коня,
 Бралъ свой тѡгой лукъ разрывчатый въ бѣлы ручки
 Натянулъ тетивочку шелковеньку,
 Наложилъ онъ стрѣлочку каленую
 Ё онъ спущалъ ту стрѣлочку во бѣлы шатѣръ,
 Говорилъ Илья да таковы слова:
 -А лети-теѡ, стрѣлочка каленая,
 -А лети-теѡ, стрѣлочка, во бѣлы шатѣръ,
 -Да сыми-теѡ крышу со бѣла шатра,
 -Да надѣ-теѡ стрѣлка на бѣлы груди
 -Къ моему во бѡтѡшкѣ ко крестному,
 -И прогѡлзни-теѡ *) по груди ты по бѣлы,
 -Сдѣлай-ко ты спѡинку **) да маленьку,
 -Маленькую спѡинку да невеликую.
 -Онъ и спать тамъ, прохлаждается,
 -А мнѣ здѣсь-то одному да мало можется».
 И онъ спустилъ какъ эту тетивочку шелкову
 Да спустилъ онъ эту стрѣлочку каленую,
 Да просвиснула какъ эта стрѣлочка каленая
 Да во тотъ во славныи во бѣлы шатѣръ,
 Она сняла крышу со бѣла шатра,
 Пала она стрѣлка на бѣлы груди
 Ко тому ли Самсону ко Самойловичу,
 По бѣлой груди вѣдъ стрѣлочка проголзнула,
 Сдѣлала она да спѡинку-то маленьку.

*) Т.-е. проскользни.

**) Т.-е. царапину.

А ѿ тутъ славныя богатырь святорусскіи
 А ѿ Самсонъ-то вѣдь Самойловичъ
 Пробудился-то Самсонъ отъ крѣпка сна,
 Пороскинулъ свои очи ясныи,
 Да какъ снята крыша со бѣла шатра,
 Пролетѣла стрѣлка по бѣлой груди,
 Она спаниночку сдѣлала да на бѣлой груди.

Ѽ онъ скорешенько сталъ на рѣзвѣи ноги,

Говоритъ Самсонъ да таковы слова:

— Аѿ же славныи мои богатыри вы святорусскіи!

— Вы скорешенько сдѣлайте-тео добрыхъ коней .

— Да садитесь-тео вы на добрыхъ коней;

— Мнѣ отъ крестничка да отъ любимаго

— Прилетѣли-то подарочки да нелюбимыи,

— Долетѣла стрѣлочка каленая

— Черезъ мой-то славной бѣлъ шатѣръ,

— Она крышу сняла вѣдь да со бѣла шатра,

— Да проголзнула-то стрѣлка по бѣлой груди,

— Она спанинку-то дала по бѣлой груди,

— Только малу спанинку-то дала, не великую:

— Погодился мнѣ Самсону крестъ на воротаи,

— Крестъ на воротаи шести пудовъ.

— Есть бы не былъ крестъ да на моей груди,

— Оторвала бы мнѣ буйну голову.—

Тутъ богатыри всѣ святорусскіи

Скоро вѣдь сдѣлали да добрыхъ коней

И санились мблодды да на добрыхъ коней

И поѣхали роздольцемъ чистымъ полемъ

Ко тому ко городу ко Киеву,

Кѣ тымъ они силамъ ко татарскимъ.

А со той горы да со высокии

Усмотрѣлъ ли старня казакъ да Илья Муромецъ,—

А то ѣдутъ вѣдь богатыри чистымъ полемъ,

А то ѣдутъ вѣдь да на добрыхъ коняхъ.

И спустился ѣнъ съ горы высокии

И подѣхалъ ѣнъ къ богатырямъ ко святорусскимъ,

Ихъ двѣнадцать-то богатырей, Илья тринадцатой.

И пріѣхали они ко силушеѣ татарскойей,

Припустили коней богатырскихъ,

Стали бить-то силушку татарскую,

Притоптали тутъ всю силушку великую,

И пріѣхали къ полаткѣ полотняной;

А сидитъ собака Калинъ-царь въ полаткѣ полотняной.

Говорять-то какъ богатыри да святорусскіи:

— А срубить-то буйную головушку

— А тому собакѣ царю-Калину.—

Говоритъ старѣи казакъ да Илья Муромецъ:

«А почто рубить ему да буйная головушка?»

«Мы свезѣмте-тео его во столярній Киевъ градъ»

«Да ѿ славному ко князю ко Владимиру».
 Привезли его собаку царя-Калина
 А во тотъ во славный Кіевъ градъ
 Да ко славному ко князю ко Владимиру.
 Привели его въ полату бѣлокаменну
 Да ко славному ко князю ко Владимиру,
 То Владимиръ князь да стольнѣ-Кіевской
 Онъ беретъ собаку за бѣлыя руки
 И садилъ его за столики дубовни,
 Кормилъ его ѣствушкой сахарною
 Да поилъ-то пѣтицемъ медвянымъ.
 Говорилъ ему собака Калинъ царь да таковы слова:
 — Ай же ты Владимиръ князь да стольнѣ-Кіевской!
 — Не срубн-тео мѣъ да буйной головы.
 — Мы напшемъ прѣмежъ собой записи великии,
 — Буду тебѣ платити дави вѣкъ и по вѣку,
 — А тобѣ-то князю я Владимиру! —
 А тутъ той старикѣ и славу поють,
 А по тнихъ мѣсть старника и погончилься.

Записано въ Кижяхъ 6 іюля 1871 г.

II.

Илья Муромецъ въ ссѣрѣ се Владиміромъ.

Славныи Владимиръ стольнѣ-Кіевской
 Сбиралъ-то онъ славный почестенъ пиръ
 На многихъ князей онъ и бѣаровъ,
 Славныхъ сильныхъ могучихъ богатырей,
 А на пиръ ли то онъ не позваъ
 Старога казака Ильи Муромца.
 Старому казаку Ильѣ Муромцу
 За досаду показалося то великую,
 Й онъ не знаетъ, что дѣдъ сдѣлати
 Супротивъ тому князю Владимиру.
 Й онъ беретъ-то какъ свой тугой лукъ розрывчатой
 А онъ стрѣлочки беретъ каленны,
 Выходилъ Илья онъ да на Кіевъ градъ
 И по граду Кіеву сталъ онъ показивать
 И на матушки Божьѣ церкви погуливать.
 На церквахъ-то онъ кресты вси да повломалъ,
 Маковки онъ золочены вси повыстрѣлялъ.
 Да крычалъ Илья онъ во всю голову,
 Во всю голову крычалъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Ай же пьяници вы гблюшеи кабакии!
 «Да и выходите съ кабаковъ, домовъ питейныхъ,
 «Й обирайте-тео вы маковки да золоченны,
 «То несите въ кабаки, въ дома питейны
 «Да вы пейте-тео да вина до-сыта».
 Тамъ доносить-то вѣдъ князю да Владимиру:

- Ай Владимиръ князь да стольнѣ-Кіевской!
- А ты ѣшь да пьешь, да на честнѣмъ пиру,
- А какъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ
- Ёнъ по городу по Кіеву показивать,
- Ёнъ на матушки Божьѣ церкви погуливать,
- На Божьихъ церквахъ кресты повыволицъ
- А всѣ маковки онъ золочены повывстрѣлялъ.—
- А ѣ кричить-то вѣдь Илья онъ во всю голову,
- Во всю голову кричать онъ громкимъ голосомъ:
- «Ай же пьяници вы голышки кабацкіи!
- «Да и выходите съ кабаковъ, домовъ питейныхъ,
- «И обирайте-тео вы маковки да золоченыи.
- «То несите въ кабаки, въ домѣ питейныи
- «Да вы пейте-тео да вина до-смы!».

Тутъ Владимиръ князь да стольнѣ-Кіевской
И онъ сталъ Владимиръ думы думати,
Ему какъ-то надобно съ Ильей да помирится.
И завелъ Владимиръ князь да стольнѣ-Кіевской,
Онъ завелъ почестенъ пиръ да и на другой день.
Тутъ Владимиръ князь да стольнѣ-Кіевской
Да еще онъ сталъ да ѣ дума думати:

- «Мнѣ кого послать будѣтъ на пиръ позвать
- «Того стараго казака Илью Муромца?
- «Самому пойти мнѣ-то Владимиру не хочется,
- «А Опраксія послать,—то не къ лицу идетъ».
- И онъ какъ шоль-то по столовой своей горенкѣ,
- Шоль-то онъ о столики дубовыи,
- Становился супротивъ молодого Добрынюшка,
- Говорилъ Добрыни таковы слова:
- «Ты молоденькой Добрынюшка, сходи-тео ты
- «Къ старому казакѣ къ Ильи Муромцу,
- «Да зайди въ податы бѣлокаменныи,
- «Да пройди-тео по столовую во горенку,
- «На пату-то дверь ты порозмахивай,
- «Еще крестъ влады да ѣ по писаному,
- «Да ѣ поклонъ веде-тео по ученому,
- «А ѣ ты бей челомъ да низко кланяйся
- «А ѣ до тыхъ половъ и до кирпичныхъ
- «А ѣ до самой матушки сырой земли
- «Старому казакѣ Ильи Муромцу,
- «Говори-тео Ильи ты да таковы слова:
- ««Ай ты старня казакъ да Илья Муромецъ!
- ««Я пришолъ къ тебѣ отъ князя отъ Владимира
- ««И отъ Опраксіи отъ королевичной,
- ««Да пришолъ тебе позвать я на почестенъ пиръ»».
- Молодой Добрынюшка Микитицецъ
- Ёнъ скорешенько-то сталъ да на рѣзвѣи ноги,
- Кунью шубоньку навинулъ на одно плечко,
- Да онъ шапочку соболью на одно ушко,

Выходилъ онъ со столовою со горенки,
 Да ѿ прошолъ полатою бѣлокаменной,
 Походилъ Добрыня онъ на Кіевъ градъ,
 Ёнъ пошолъ-то какъ по городу по Кіеву,
 Пришолъ къ старому казакѣ къ Ильѣ Муромцу
 Да въ его полаты бѣлокаменны,
 Ёнъ пришолъ какъ во столовую во горенку,
 На пята-то онъ дверь да порозмахивалъ
 Да онъ крестъ-отъ влалъ да по писаному
 Да ѿ поклоны велъ да по ученому,
 А'ще билъ-то онъ челомъ да низко кланялся
 А ѿ до тыхъ половъ и до кирпичныхъ
 Да ѿ до самой матушки сырой земли,
 Говорилъ-то онъ Ильѣ да таковы слова:
 «Ай же братецъ ты мой да крестовы,
 «Старья казакъ да Илья Муромецъ!
 «Я къ тоби посланъ отъ князя отъ Владимира,
 «Отъ Опраксы королевичной,
 «А ѿ позвать тебя да ѿ на почестенъ пиръ».
 Еще старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
 Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвѣ ножки,
 Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
 Да онъ шапоньку соболѣю на одно ушко,
 Выходили со столовыи со горенки,
 Да прошли они полатою бѣлокаменной,
 Походили-то они на стольній Кіевъ градъ,
 Пошли они къ князю къ Владимиру
 Да ѿ на славный-отъ почестенъ пиръ.
 Тамъ Владимиръ князь да стольнѣ-Кіевской
 Онъ по горенки да вѣдъ похаживалъ
 Да въ окошечко онъ князь посматривалъ,
 Говорить-то со Опраксою королевичной:
 «Подойдутъ ли къ мнѣ какъ два русскіихъ богатыря
 «Да на мой-отъ славный на почестенъ пиръ?»
 И прошли они въ полату бѣлокаменну,
 И взошли они въ столовую во горенку.
 Тутъ Владимиръ князь да стольнѣ-Кіевской
 Со Опраксіей да королевичной
 Подошли-то они къ старому казакѣ Ильѣ Муромцу,
 Они брали-то за ручуши за бѣгги,
 Говорили-то они да таковы слова:
 «Ай же старья казакъ ты Илья Муромецъ!
 «Твой мѣстечко былó да вѣдъ пониже всихъ,
 «Тóперъ мѣстечко за столикомъ повыше всихъ!
 «Ты садись-ко да за стóликъ за дубовни».
 Тутъ кормили его ѣствушкой сахárнею
 А ѿ поили питьицею медвянныи.
 Они тутъ съ Ильей и помирились.

Записано въ Кижахъ 8 іюля 1871 г.

III.

Молодецъ и худая жена.

А ѣ сидитъ сидитъ кручиненъ доброй мѡлодецъ.
 Да ѣ сидитъ печаленъ доброй мѡлодецъ,
 Онъ повѣсилъ своѡ буйную головушку
 Да ѣ пониже плечъ своихъ могучихъ.
 «Ты чего сидишь печаленъ, доброй молодецъ.
 «Ты чего сидишь кручиненъ, доброй молодецъ?»
 — Еще какъ-то мѡлодцю мнѣ не кручиниться?
 — Еще какъ-то мѡлодцю мнѣ не печалиться?
 — Какъ вечеръ-то легъ я—не поужиналъ,
 — Я утрѡсь-то сталь да не позавтракалъ,
 — Пообѣдати схватился—тамъ и хлѣба нѣтъ.
 — Поневолили-то мѡлодца жениться,
 — Поженили-то въ деревни у сусѣдушка.
 — У сусѣда ѡны брали у богатаго
 — Да ѣ приданаго-то много—человѣкъ худой.
 — А ѣ приданѡй виситъ на грядочкѣ,
 — Да ѣ худая жонка-то на ручки спитъ.
 — То мнѣ не съ кимъ добру мѡлодцю погладиться*),
 — Да и не съ кимъ добру мѡлодцю полизиться**),
 — Ѣ оттого-то молодецъ да во гульбу пошолъ,
 — Во гульбу пошолъ да во гуляньицо.—
 Еще день за день, какъ быдто дождь дожитьъ,
 Да ѣ недѣля за недѣлю, какъ рѣка бѣжитъ,
 Да пошолъ-то молодецъ а изъ земли въ землю,
 Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,
 И зашолъ-то къ королю къ литовскому,
 Да ѣ задался во служеніе къ литовской королевичной;
 Да ѣ служилъ у ней двѣнадцать годъ,
 А двѣнадцать годъ служилъ онъ вѣрой правдою,
 Вѣрой правдой онъ служилъ да не измѣною:
 На кровати спалъ онъ на тисовую,
 А ѣ на той онъ на перинкѣ на пуховую,
 У самой ли то у ней да на бѣлой груди.
 Стосковалось тутъ дородню добру мѡлодцю
 По своѣй-то по родимой по сторонущи,
 Онъ доклѣдалъ королю литовскому:
 — Ай ты, батюшко, король литовскій!
 — Стосковалось по родимой мни сторонущи,
 — Захотѣлось посмотрѣть мнѣ на отцовско на помѣстьицо:
 — Тамъ не выросло-ль зеленое кропивушко?—
 Приказалъ король ѣму коня сѣдлатъ,
 Королевична литовская
 Наспѣала-то безсчетну золоту казну,

*) Т.-е. поизжитъ.

**) Т.-е. поласкаться.

Во шелковъ камвертъ да запечатала,
 Положила она мѣлодцю въ глубокеъ карманъ;
 А ѣ поѣхалъ тутъ дородней доброй мѣлодець.
 А ѣще день за день какъ быдто дождь дождить,
 То ѣ недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжить,
 А ѣ то ѣхалъ мѣлодець да изъ орды въ орду,
 Да ѣ проѣхалъ мѣлодець онъ изъ земли въ землю,
 Прѣвѣжалъ онъ на отцевско на помѣстьяцо.
 На отцевскоемъ да ѣ на помѣстьяцѣ
 То стоитъ худая мала хизинка,
 Да ѣ у той ли малой худой хизинки
 Ходить малыхъ два глупыхъ два вьюнышка*).
 Говорить-то имъ дородней доброй мѣлодець:
 — А ѣ же малы вы глупы вьюнышки!
 — Вы котораго-то дому да коей семьи?
 — Еще есть ли-то у васъ да отецъ матушка? —
 Отвѣцали ему малы глупы вьюнышки:
 «А ѣ ты дядюшка да и незнаемой!
 «Столько есть у насъ одна родитель матушка,
 «А ѣ то нѣтъ у насъ да родна батюшка».
 Говорить-то имъ дородней доброй мѣлодець:
 — А ѣ же малы вы глупы вьюнышки!
 — А ѣ куды у васъ ушла да родна матушка? —
 Говорили ему глупы малы вьюнышки:
 «А ѣ ушла-то наша родна матушка
 «На крестьянскую да на роботушку,
 «А и тымъ она да насъ воспитывать».
 ѣ онъ стоялъ-то вѣдь до позднего до вечера.
 Тутъ худая-то жона, да жона умная,
 Жона умная многоразумная,
 То идетъ она съ крестьянской со роботушки,
 Во правой руки несеть-то косу вострую,
 Во лѣвой руки несеть-то грабли частыи,
 На плечахъ бѣдна горюшица дрова несеть,
 Приходила-то къ худой къ малой хизинки.
 Говорить-то ей дородней доброй мѣлодець:
 — А ѣ честная ль ты вдова аль жона мужняя? —
 Отвѣцала-то ему да жона умная,
 Жона умная многоразумная:
 «Не вдова-то есть, жона не мужняя,
 «Сирота я есть да горе-горькая».
 Говорить-то ей дородней доброй мѣлодець:
 — Не вдова ты есть, да жона мужняя. —
 «Почому ты меня знаешь жону мужнюю?»
 — Потому я знаю жону мужнюю,
 — Что съ тобою мы росли да близко поблизу,
 — Да играли мы съ тобою въ шашки въ шахматы,

*) Т.-е. юноши.

— Да во славы во велѣн во нѣмецкѣи,
 — А ѣ тогда съ тоба я часто ѣзды бралъ...
 — Подойди-тео ты ко мни да жѣна умная,
 — Жѣна умная многоразумная,
 — Положи-тео свои рѣчки во глубокъ карманъ,
 — Вынимай-ко изъ кармана ты шелкѣвъ камвертъ,
 — Вынимай камвертъ да распечатывай.—
 То худая-то жѣна да жѣна умная,
 Жѣна умная многоразумная,
 Подошла она къ дородню добру молодцю,
 Положила свои рѣчущки въ глубокъ карманъ,
 Вынимала-то оттуль она шелкѣвъ камвертъ,
 Вынимала-то камвертъ да распечатала,
 Находила во камвертъ свой злаченъ перстень,—
 А когда они вѣнчались во матушки
 Да ѣ во матушки вѣнчались во Божьѣи церкви,
 Тогда этимъ она перстнѣмъ обручалася.
 Ё она брала-то за рѣчущки за бѣлыи,
 За нѣго за перстни за злаченыи,
 Цѣловала во уста его сахарнѣи,
 Называла-то соби мужѣмъ любимымъ.

Записано въ Петербургѣ

25 ноября 1871 г.

Сообщ. А. Э. Гильфердингъ.

